

**ТЕЗИСЫ
НОВОЙ
КУЛЬТУРНОЙ
ПОЛИТИКИ
2017**

**РУССКИЙ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
СОЮЗ**

ПРЕАМБУЛА

В декабре 2014 года Указом Президента Российской Федерации утверждены «Основы государственной культурной политики». В этом документе культура возводится в ранг национальных приоритетов и приравнивается к экономическим показателям и военной мощи.

Сегодня центр политической и идеологической борьбы в России переместился на внутреннее поле культуры. Собственно об этом, о важности культуры в жизни страны прямо сказал Президент: «Если нет культуры, то непонятно вообще, что такое суверенитет, и непонятно тогда, за что бороться».

Культура России уникальна. Она не принадлежит полностью ни Западу, ни Востоку. На протяжении тысячи лет российская культура вырабатывала гибкие способы реагирования на сложнейшие вызовы времени. Более того, в обстановке размывания традиционных ценностей многие в мире именно с Россией связывают надежды на духовное возрождение.

Культура – тонкая материя. Но именно благодаря силе нашей культуры геополитическим оппонентам до сих пор не удается «вырвать Россию с корнем». Поэтому так важно предотвратить разрушение этой материи на тонком уровне, незаметном для глаза среднестатистического чиновника и экономиста. Предложение государства перейти на качественные критерии оценки эффективности культурной политики требует инициативы культурного сообщества.

Русский Художественный Союз предлагает к обсуждению тезисы Новой культурной политики. Тезисы представлены в виде «словаря», который помогает осознать основные оперативные понятия и категории:

Культура (2)	Медиа (21)
Традиция (3)	Декоративно-прикладное искусство, мода (22-23)
Художник (4)	Культурное наследие (24-25)
Современное искусство (5-6)	Искусствоведение (26-27)
Высокий стиль (7)	Дизайн (28-30)
Герой (8)	Кино (31-32)
Государство: личная ценность (9)	Литература (33)
Церковь (10-11)	Музыка (34-35)
Народность: человекоберегающее искусство (12)	Театр (36)
Русский мир: среда обитания (13)	Визуальное искусство (37)
Художественное сообщество (14-16)	Архитектура (38-40)
Образование (17)	
Семья и дети (18)	
Экономика (19-20)	

КУЛЬТУРА

Культура - от латинского colere (возделывать, ухаживать, почитать, покровительствовать). Это символическая и материальная среда, в которой рождаются, живут смыслы и ценности цивилизации. Культура иерархична.

Корень «Культ» связан с сакральным началом, с божественной природой человека. «Культурность» связана с эволюцией, развитием знаний, эстетических форм, технологий. «Культурный слой» - с богатством, разнообразием укладов. Культура может существовать только как целое, объединяющее эти начала. Сегодня это единство нарушено и требует восстановления.

Постмодернистская парадигма, доминирующая сегодня во многих сферах, навязывает индивидуалистическую оптику, лишает человека связи с духовной практикой, народной традицией и родным языком. Необходима реабилитация сакрального в культуре. Только тогда в обществе возникнет понимание, что роль культуры не менее значительна, нежели экономическая или военная мощь государства.

ТРАДИЦИЯ

Традиция – это способ фиксации и передачи канонов и ценностей, созданных предыдущими поколениями. Традиция – это фундамент, на котором каждое поколение и каждая цивилизация строят свою современную культуру, обогащая «культурный слой». Важнейшую роль в сохранении и развитии традиции играет религиозное сознание, потому что оно генерирует устойчивые паттерны, дает человеку ощущение вечных ценностей.

Позитивное определение Традиции как передачи стиля, обычаев, знаний, технологий, сегодня часто уступает место демагогической трактовке традиции как чего-то застойного, устаревшего, не требующего внимания и осмысления. Такой взгляд – дань европейской истории, когда, начиная с Нового времени, в обществе возобладали идеи обмирщения, прогресса, приоритета рационального.

Противопоставление «традиционного» и «актуального» не корректно с точки зрения целостной культуры. Одного без другого не существует. Каждое поколение живет в уникальной культурной среде. Но здоровье этой среды в большой степени зависит от связи с Традицией.

Культура России – уникальное хранилище национальных традиций и укладов. Издержкой имперской структуры, особенно в советское, атеистическое время, стало размывание русской этнической традиции, корневой системы культуры.

Кризисом идентичности не преминули воспользоваться силы, откровенно враждебные нашему Отечеству, и вотужеслово «русский» уступает место «россиянину», атакназываемые «либеральные ценности» оборачиваются откровенной русофобией.

Но «запас прочности» у нашего народа огромен. Инстинкт самосохранения побуждает обернуться к своим истокам. Вот почему сегодня в нашей стране очевиден запрос на Традицию, на традиционное, коренное, национальное. Традиция становится по-настоящему актуальна. Этот процесс нуждается в поддержке, особенно в молодежной среде.

В цивилизации искусство играет двоякую роль: обновляет культурный код и объединяет в едином символическом поле все элементы общества – государство и церковь, коллектив и индивида, массы и элиту. Религия несет Весть, хранит и передает традицию, наука развивает знания и технологии, искусство актуализирует вечное в художественных образах. По сути, искусство – это культура обновления традиции, символической карты каждого поколения.

ХУДОЖНИК

Слово «художник» - от старославянского «хждогъ» - «умелый, опытный, искусный». Похожая этимология - и у европейского слова «артист».

Художник обладает огромной силой воздействия на внутренний мир людей: от душевного настроения до привычек и стиля жизни. Силой как созидательной, так и разрушительной. Недаром в каждой культуре существуют эпохи «расцвета» - время, когда авангардизм наполнен высоким смыслом, а традиционализм - живым языком и эпохи «заката», когда энергия созидания и обновления покидает культуру.

Художник как выразитель расцвета эпохи создает Высокий (Большой) стиль. Настоящий художник противостоит толпе, но он в долгу перед народом. Он не приемлет угнетения, но высоко ценит Государство и Отечество. Он избегает формализма, но верует в Бога и чтит Церковь. Красота означает воплощенный синтез разнообразных идеалов. По образу и подобию Героя формируется зритель, а жизнь зрителя, в свою очередь, вдохновляет художника. Понимание этой взаимной ответственности должно лежать в основе личной стратегии художника.

Кризис культуры связан с разрушением идеалов и напоминает «пир во время чумы». Агония становится ценностью, патология – нормой, а слово «художник» все больше ассоциируется со словом «худо». Будучи гиперчувствительным к разрушениям идеалов, художник принимает на себя тяжкое бремя кризиса – распад личности. Алкоголь, наркотики, разрушение этических норм – это не только современный сюжет, часто – это судьба художника.

Сегодня, когда человечество переживает глобальную технологическую революцию, когда на повестку дня выходит вопрос о «расчеловечивании», потере человеком видовых свойств, важнейшим становится не только эстетический аспект, но антропологический.

Сегодня меняются не просто акценты важнейших вопросов, меняются сами вопросы.

Вопрос не только в том, *что* говорит художник.

Вопрос не только в том, *как* говорит художник.

Вопрос - *кто* говорит?

Сегодня многие художники заново открывают для себя аскезу, православные молитвенные практики как энергетический ресурс. В каком-то смысле, это такая же сенсация, каковой были в семидесятых-восьмидесятых годах эзотерика, нью-эйдж, медитация для тех, кто противился европейской фрустрации, пессимизму и хотел держаться хоть каких-то духовных корней. Именно искусство в состоянии объединить традиционалистов разных призывов, обеспечить связь между народной и христианской традицией в едином символическом поле. Настал тот исторический момент, когда художники стремятся не реформировать канон, а приобщиться к нему и поддержать его – вернуть искусству образ творца.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО

В цивилизации искусство играет двоякую роль: обновляет культурный код и объединяет в едином символическом поле все элементы общества – государство и церковь, коллектив и индивида, массу и элиту. Религия несет Весть, хранит и передает традицию, наука развивает знания и технологии, искусство актуализирует вечное в художественных образах. По сути, искусство - это культура обновления традиции, символической карты каждого поколения.

Термин «современное искусство» принадлежит новейшей эпохе. В начале XX века возник модернизм (от французского *moderne*), а после Второй Мировой войны - постмодернистское, или контемпоральное искусство (от английского *contemporary*). Если предметом модернизма было устройство мира, то предметом *contemporary art* стали реакции самого наблюдателя. Модернизм предложил новые языки, *contemporary art* - новые технологии воздействия и осмысления.

Европейское происхождение терминов не удивительно: с Европой связано распространение многих классических жанров – портрета, пейзажа, скульптуры. Научное развитие искусствознания - от термина к термину – тоже западный опыт. Но сила искусства – в переплавке внешнего опыта в самобытную, национальную культуру. Поэтому каждый всплеск «авангардизма» в истории заканчивался «традиционализмом». И как когда-то Россия преодолела футуристический максимализм модернизма, так теперь преодолевает эгоцентризм *contemporary art*.

Приметы нынешнего культурного кризиса – равнодушие, презрение к Родине, разрушение семьи, агрессия - во многом следствие технологии постмодернизма, основанной на «дурной бесконечности» интерпретаций, «освобождении» личности от духовных, нравственных ориентиров и даже психофизических норм.

Сегодня очевидно, что у постмодернистской технологии есть небескорыстные авторы, заинтересованные во внутреннем ослаблении геополитических оппонентов, развале государств, отрыве культур от национальных корней, навязывании глобалистской, однополярной парадигмы. Узурпация всего поля современного искусства – один из продуктов этой технологии. *Contemporary art* внедряется на российский рынок последние несколько десятилетий. За четверть века кураторам этого процесса удалось лишить целое поколение эстетических ориентиров, привить российскому современному искусству комплекс неполноценности и навязать обществу узкое понятие «современного искусства» как англицизма с одним единственным содержанием.

Общественный иммунитет срабатывает буквально на глазах.

С одной стороны массовый протест против выставки Стерджеса и оперы «Тангейзер», судебные процессы над участницами «панк-молебна» Pussy Riot и акционистом Петром Павленским, скандалы вокруг фильмов «Матильда» Учителя и «Левиафан» Звягинцева, кризис государственной премии «Инновация» и арт-рынка в целом.

С другой стороны - невиданные прежде многотысячные очереди на Серова и Айвазовского, к Поясу Богородицы и мощам Св. Николы Мирликийского. Рекордные тиражи книги «Несвятые святые» епископа Тихона(Шевкунова) и зрительский успех фильма «Остров» Павла Лунгина.

«Никакие эксперименты с формой не могут оправдать содержания, противоречащего традиционным для нашего общества ценностям, либо отсутствия какого бы то ни было содержания вообще», - таков общий вердикт, вынесенный в недавно вышедшем документе «Основы государственной культурной политики». С ним нельзя не согласиться, однако с терминологией стоит разобраться.

«Не все актуальное – современно, и не все современное – актуально», - отметил в комментарии к циркуляру Минкульта от 8 июля 2017 года первый замминистра культуры Владимир Аристархов. Действительно, современным языком можно актуализировать традицию. И точно так же можно выразиться на злобудня в традиционных жанрах и техниках. Заместитель министра предлагает вернуться в упомянутом циркуляре к общеупотребительным, словарным значениям слов «современный» и «актуальный». В случае терминов – это невозможно. Достоевский, безусловно, актуален для современного читателя, но Достоевского нельзя относить к «актуальному искусству» с точки зрения термина, чье семантическое поле уже давно вышло за старые словарные рамки и сегодня связано не только с содержанием, но и с актуальной для текущего момента формой выражения. Рождение, бытование подобных терминов – зона свободной конкуренции, а не министерских документов. Именно в такой конкурентной среде и должна побеждать традиционалистская лексика.

Если для либеральных кураторов «актуальное искусство» лишь расширяет жанровые и языковые рамки contemporary art, то традиционалистам надо создавать свою терминологическую систему. Необходимо переосмыслить понятие «современное искусство» с идеологических позиций, продумать тезаурус традиционалистского искусствознания, создать базу источников и текстов для качественной экспертизы. И уже после этого - учредить новые конкурсы, премии, фестивали современного искусства, разработать новую кадровую политику и т.д. Это – не задача нашего текста, мы только ставим проблему.

Несомненно, важнейшую роль в современном искусстве (наряду с темой и героем) должен играть современный язык, понимаемый нами как «коммуникационная система». Задача художников, кураторов, продюсеров, критиков, экспертов – постоянно искать этот язык. А находя - маркировать, осмысливать, предлагать зрителю. В этом – залог живого процесса. Мы не имеем права ограничиваться музеефикацией и кальками прошлых «великих достижений». Сегодня, в эпоху ютуба, социальных сетей, цифровых технологий – это заведомо проигрышный путь. Индикатор языка современного искусства – это молодежь. И если она, к примеру, поголовно слушает рэп, то необходимо признать этот факт для начала, а не объявлять целые жанры и слои современной культуры несостоятельными. Только свободная конкуренция с успешными образцами западной массовой культуры! Русская культура как никакая другая умела перерабатывать чужой опыт, оставаясь самостоятельной и великой. Примеров – сотни, от балета до бардов, от классической оперы до авангардной живописи.

Мы не имеем права бездумно копировать западный опыт. Национальная культура не может быть импортирована как франшиза. Но это не значит, что мы должны ориентироваться только на прошлое. В новой системе координат contemporary art должен занять свое, строго определенное и уже далеко не центральное место.

ВЫСОКИЙ СТИЛЬ

Высокий стиль – духовная и эстетическая вертикаль, стержень, ствол культуры, символ ее возрастания, жизнеспособности, судьбы. Он пронизывает ее сверху донизу, снимая противоречие между формой и содержанием, массами и элитой, сказкой и былью. В Церкви высокий стиль - проекция Логоса в мир. В науке – адвокат знаний и технологий. В государстве – проводник патриотизма. В искусстве – формат шедевра и гарант признания поколений. В быту – знак качества жизни.

Сегодня культура прочно разделена на «артхаус» и «попсу»: и та и другая часть лишена каких-либо устойчивых эстетических и моральных норм. Художник больше не властитель дум, а баловень судьбы. Высокий стиль воспринимается многими как атавизм имперского тоталитаризма. Однако ностальгия большинства русского общества по эстетике, которой может гордиться каждый, интерес к Высокому стилю – от эпохи Людовика Четырнадцатого до времени Сталина - свидетельствует о наступлении новой эпохи.

Необходимо создать условия для появления нового Высокого стиля в современном искусстве, осмыслив исторический образный ряд Высокого стиля в отечественной культуре. Необходимо определить место нового Высокого стиля в мировом культурном контексте. Необходимо назвать лучшее, соответствующее этому понятию во всех жанрах искусства – от архитектуры до медиа-арта. Необходимо поднять на новый эстетический уровень государственные праздники, украшение городов, парады, официальные приемы, церемонии, образовательные программы. Это – важнейшая задача Новой культурной политики.

ГЕРОЙ

Высокий стиль невозможен без положительного Героя – собирательного образа, выразителя народного идеала, трагического пути преодоления зла, победы над тленом. За каждым таким Героем, будь то святой или первопроходец, воин или труженик, стоят тысячи безымянных – прошлых и будущих, живых и мертвых. В советское время, после Великой Отечественной войны Неизвестный Солдат занял место праведника. И сохранил Традицию. «Не стоит земля без праведника» - и памяти павшим русским героям временно заняли место разрушенных храмов, посвящённых русским святым.

Но Герой уязвим: достаточно посмаковать его мелкую правду, человеческие грехи, чтобы заронить скептицизм и неверие. В последние десятилетия духовная слабость получила дополнительное «теоретическое обоснование» в философии постмодернизма. Предлагаемые постмодернизмом технологии иронической деконструкции, демифологизации, отрицательной селекции не только лишили русскую культуру здорового романтизма, но и навязали культ антигероя. Современные тренды - это эмигранты, аутсайдеры, наркоманы нетрадиционной ориентации, неспособные к размножению и труду, отчаявшиеся, склонные к суициду. Такое искусство ни строить, ни жить не поможет.

В эти моменты искусству помогает сама реальность. Сегодня мы наблюдаем явную тенденцию к восстановлению образов народных героев, к возвращению народных святынь, защите их от поругания и забвения. Ярчайший пример такого движения – народное шествие «Бессмертный полк», которое справедливо называют «гражданским крестным ходом». «Бессмертный полк» сегодня поддерживают 96% россиян – беспрецедентный пример нашей солидарности!

Разворачивается к традиции и современное искусство, особенно литература и кино. Это не только образы воинов-победителей («Двадцать восемь панфиловцев» Андрея Шальоры, «Битва за Севастополь» Сергея Мокрицкого, «Взвод» Захара Прилепина) но и монахов («Несвятые святые» епископа Тихона (Шевкунова), «Лавр» Евгения Водолазкина). Сегодня можно говорить о возрождении и русского романа, и русской поэзии. Рассчитывать, перефразируя Ролана Барта, на «воскрешение и автора, и героя».

ГОСУДАРСТВО: ЛИЧНАЯ ЦЕННОСТЬ.

Во все эпохи для русского художника государство было личной ценностью, а патриотизм, доверие государству и взаимные обязательства - свидетельством творческой зрелости. Особое доверие общества к светскому и духовному лидерству, отражено в знаменитой триаде «православие, самодержавие, народность». Эта триада пережила революции и сохранилась в латентной форме по сей день. Художественная элита, ориентированная на Запад, не доверяет институту государства, страдает инерцией «диссидентства», считая себя потомками «лишних людей»: Чацкого, Онегина, Печорина, Базарова, Раскольникова.

Но «лидерство» этих героев самими авторами было осознано как ложное, болезненное, трагичное. Рядом с ними всегда находились подлинные герои: Лиза, Татьяна, Максим Максимыч, Соня Мармеладова. Более того, «лишние люди» преобразились и сами вышли на авансцену вслед за подлинными героями «высокого штиля» - оды, поэмы, эпоса. Наследниками подлинных героев русской литературы стали герои советских книг и киносценариев: «Василий Теркин», «Председатель», «Молодая гвардия», «Баллада о солдате»... Затем снова настала эпоха «лишних», а после развала СССР начался «пир во время чумы», погубивший множество талантов. Эти нереализованные таланты пополнили ряды либо новорусской номенклатуры, либо прозападной элиты, опекаемой олигархатом, зарубежными фондами и фестивалями. Героем дня стал политический акционизм - от панк-молебна Pussy Riot до членовредительства Павленского.

Технологии «креативного протеста» выхолащивают гражданский активизм, лишают молодежь подлинных ориентиров справедливости, искажают образ государства, девальвируют понятие патриотизма. Однако горячие последствия - разрушение ближневосточных государств, гражданская война на Украине, гибель памятников культуры, демографический спад - отрезвили многих.

Угроза национальному суверенитету актуализировала ценность государства как для общества, так и для самого государства, привыкшего относиться к культуре как к обременению, а к плевкам в свой адрес как к норме. Поэтому художники-патриоты и профессиональные управленцы в области культуры сегодня востребованы как никогда.

Должно появиться традиционалистское, консервативное художественное лобби, которое ориентировано не только на «прошлые достижения», но и на современный язык, на открытую конкуренцию с Западом на символическом поле. Без этого невозможна коммуникация государства, художественного сообщества и широкой публики.

Художники должны поднимать статус государства, государственных служащих - чиновников, милиционеров, солдат, не обращая внимания на антигосударственные эскапады со стороны либеральных кругов. При этом важно избегать пропагандистской кондовости, тяжеловесных штампов - но стремиться сохранять искренность, акцентируя в первую очередь достоинства человека, честно исполняющего свой долг.

ЦЕРКОВЬ

Как было отмечено выше, позитивные определения понятия «традиция» часто уступают место демагогической трактовке традиции как чего-то застойного, устаревшего, не требующего внимания и осмысления. Это подход современных воинствующих либералов.

По другую сторону баррикад остались Церковь и, как это ни странно для кого-то звучит, художник. Художник, несущий идею служения Высокому и Вечному. Целостный подход к жизни и житию, творчеству и творению присущ и «Спасу в силах», и фильмам Андрея Тарковского. Резонанс с традицией превращает художника в пророка, способного доносить Слово Божие современным языком. Церковь, принимающая большого художника, определяет стиль эпохи, вбирая лучшее из лучшего.

Православная церковь требует особого внимания. Этот уникальный институт обладает способностью сохранять традицию вопреки революциям, усобицам, войнам. Ориентиром православной традиции был и остается Образ Божий – одновременно воплощенный и нерукотворный, фигуративный и абстрактный, личный и вселенский. Православный догмат о Единсущной и Нераздельной Троице – камертон русского искусства. Влияние православия на русскую культуру сложно переоценить, и члены РХС это понимают.

Еще в начале прошлого века Церковь была законодательницей высокого стиля, привлекая лучшие художественные силы страны и восхищая мир творениями Васнецова, Нестерова, Врубеля, Щусева. Патриотизм и православие художника были связаны с достижением творческой зрелости, служили защитой от сектантства самовыражения и эгоцентризма.

Сегодня людям приходится дорого платить за привычку секулярной культуры «открещиваться» от Церкви и бороться с «мракобесием». Расчеловечивание, демографический спад, имморализм - эти страшные симптомы начинались с безобидной эстетики. Мы и сегодня часто осуждаем однополые браки «где-тотам», но охотно приглашаем «суррогатного родителя» Филиппа Киркорова в хэдлайнеры семейного фестиваля в День Петра и Февронии на родине святых, в Муроме. Мы позволяем тратить народные деньги на откровенно мизантропические и богохульные фильмы типа «Левиафана», а потом удивляемся проявлениям нетерпимости, мракобесия и нездорового фундаментализма. Находясь в пространстве тысячелетней православной традиции, мы позволяем западноориентированному современному искусству навязывать свои сомнительные нормы и тренды.

Да и церковь за годы советской власти подрастеряла эстетический потенциал. Так, юбилей Патриарха – главного духовного лица страны, подобен дежурному официальному мероприятию-концерту. Безусловные проблемы - оформление городских и столичных православных праздников, церковная айдентика, полиграфия, книгоиздание, выставочная деятельность. Часто страдают от безвкусыя и новая церковная архитектура, и дизайн православных телеканалов. Мы, члены РХС, в большинстве своем воцерковленные люди, говорим об этом с болью. Но как эксперты не можем об этом не сказать. Ведь речь идет, прежде всего, о духовной судьбе молодого поколения, формирующего своё отношение к Церкви и православной эстетике.

Однако перемены налицо. Впервые за долгое время духовный и светский лидеры - Президент и Патриарх - демонстрируют крепкую духовную связь, которая не определяется сиюминутной конъюнктурой. Есть примеры прекрасных храмов, выстроенных современными архитекторами. Пробуждается интерес к теме православия со стороны кино и современного искусства (например, христоцентризм Гора Чохала, работы Дениса Егелского и др). Работают мощные православные издательства, уделяющие серьезное внимание не только содержанию, но и визуальной эстетике, – издательство Сретенского монастыря, издательство «Никея».

Мы очень надеемся, что союз художников и Церкви будет крепнуть. Художники, безусловно, могут быть миссионерами православных ценностей, помогать Церкви преодолевать кризисные явления в религиозной среде.

Необходимо повысить авторитет и экспертную компетенцию Церкви в вопросах искусства.

Объединение художников-традиционалистов под эгидой православия может создать уникальное поле творческой деятельности, плодотворное для обеих сторон.

НАРОДНОСТЬ: ЧЕЛОВЕКОСБЕРЕГАЮЩЕЕ ИСКУССТВО

В эпоху глобализма и тотальной дигитализации, художник не может жить в «башне из слоновой кости», он должен открыто взаимодействовать с массовой аудиторией, захватывать поле мейнстрима. Сегодня актуальное искусство должно стать народным, а массовая культура – эстетически состоятельной.

«Искусство не принадлежит народу, народ не должен понимать искусство» – contemporary art будто перефразирует ленинский афоризм. Недоумевающий или раздраженный зритель сразу же попадает в разряд «жлобов», достойных лишь примитивных развлечений. Индустрия «попсы» и агрессивного интертеймента – оборотная сторона элитарного contemporary art. Но эффекты – возбуждение «базовых инстинктов» или «пощечин общественному вкусу» обычно совпадают. Легко сравнить, например, скандал, связанный с участием в ток-шоу на одном из российских тв-каналов трансгендеров и скандал с оперой «Тангейзер» или балетом «Нуреев».

Мы, художники-патриоты, прежде всего считаем себя частью народа. Народ – это не бездумная толпа, не потребители низкосортного массового искусства и не архаусная богема. Как бы ни была изуродована культурная среда, и в провинции, и в столице еще живут здоровые ценности и их носители. Именно на них нужно ориентироваться....

Возвращение человекосберегающего, гуманистического искусства можно сегодня наблюдать в разрушенном войной Донбассе. Война дает жизни смысл и цену, люди разных сословий и национальностей объединяются в народ, а искусство естественно становится классикой. Не случайно понятие «народность» в русской государственной идеологии появилось после победы над Наполеоном. Вместе с «православием» и «самодержавием» оно весь XIX век сохраняло культуру. Сходная ситуация была и после победы над фашизмом в 1945-м, и после возвращения Крыма в состав России в 2014 году. И всякий раз «народность» имеет сверхличное, духовное измерение.

Мы, русские художники, должны вернуться к человекосберегающему, народному, жизнеутверждающему характеру искусства, рассматривать этот характер как эстетическую норму и актуальный тренд.

РУССКИЙ МИР: СРЕДА ОБИТАНИЯ

Россия, русская цивилизация - уникальное явление, сложившееся в результате сотворчества всех народов, населяющих нашу великую страну. Россия в своём вечном аспекте – это не просто сложение или даже синтез каких-либо известных человеку компонентов, но некий духовный, метафизический принцип, воплотившийся в конкретной географической, исторической, государственной и культурно-эстетической среде. Это и есть наша Россия, Святая Русь, Россия Вечная.

Русская цивилизация, русский мир – это, прежде всего, русский язык. Россия получила письменность практически вместе с крещением. Русский язык обладает особым, духовным измерением, он содержит в себе культурную матрицу. Русский язык объединил и сплотил многочисленные этносы, стал защитой от внешних угроз, определил структуру внутренних отношений. Церковнославянский язык вдохновлял и Пушкина, и Хлебникова, а православная молитва была ежедневной поэтической народной практикой. В моменты кризиса русский язык подвергался «оккупации»: салонный французский 19 века вполне сопоставим здесь с англицизмами рокеров 20 века или маркетологов 21-го. В моменты расцвета русский язык вбирал в себя все лучшее, что усвоил извне. Недавние события на Украине показали: русский язык защищал многонациональное население республики от раскола, а события на Донбассе принесли миру новую русскую поэзию.

Особое отношение к русскому языку, его сбережение, передача, развитие и распространение являются фундаментальными задачами новой культурной политики – от воспитания малышей до рекламных вывесок и граффити.

Русский мир – это также среда обитания. Полнота и сила ее воздействия – от высокой урбанистики до прикладных архитектурных решений, от музеев до ларьков, от памятников до уличной навигации, от государственных праздников до повседневного быта во многом зависит от художника. Тут есть, чему поучиться у Запада. Надо создавать национальные инфраструктурные проекты, побуждающие музеи перетряхивать свои запасники, художников – выходить за пределы галерей, архитекторов - создавать среду.

Русский мир – это осмысленный туризм: вместо праздных поисков экзотики стоит овладеть бесценными сокровищами культур народов России и прежде всего – русской культурой. Необходимо создать базу достопримечательностей России. Вот где поле непаханое для художника, фотографа, писателя, туроператора.

И наконец, пора уже вернуть в обиход слово «русский». Как в узком, этническом, так и в широком, имперском значении: русский – это живущий в России, говорящий на русском языке, воспринявший русскую культуру

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СООБЩЕСТВО.

Не секрет, что консервативный Запад, чьи традиции подвергаются сегодня ударам со стороны гей-парадов, однополых «браков», ювенальной юстиции, антинационального законодательства, воинствующего секуляризма, возлагает надежды на Россию как на культурную наследницу Европы. Но, признаемся, взять на себя такую миссию Россия пока не готова. Проблемы российской художественной среды слишком связаны с сегодняшними европейскими трендами – как политическими, так и эстетическими.

Прозападное «современное искусство», отработывающее в России зарубежные гранты и спонсируемое космополитичными олигархами, отличается явной или скрытой русофобией. Подмена ценностей и культурных авторитетов дошла до абсурда: Нобелевскую премию по литературе вручают журналисту-русофобу Алексиевич. Другой пример – музыкант Шнур. Его циничные клипы, полные матерной лексики и отвратительных сюжетов, бесконечно обыгрывающих тему «низа», набирают сотни миллионов просмотров. На него работает профессиональная пиар и продакшн компания, сам герой буквально не вылезает из телепередач, спектр которых впечатляет – от студии Познера до «Спокойной ночи, малыши». Шнур становится «человеком года» по версиям целой шеренги гламурных журналов. Шнур участник корпоративов как крупных госкомпаний, так и оппозиционных телеканалов. В довершение картины, рисующей «героя нашего времени» по версии либеральной элиты – факт его недавней выставки в Московском музее современного искусства...

Безусловно, для нас это показатель глубокого кризиса, в котором находятся в нашей стране и современное искусство, и медиасфера, и институты экспертизы. И кадровая ситуация, и экспертная – требуют кардинального пересмотра.

Мы отдаем отчет, что либеральное художественное сообщество обладает серьезными ресурсами, в том числе и государственными, несмотря на очевидное противоречие между ценностями этого сообщества и положениями «Основ государственной культурной политики», на которые мы ссылались в преамбуле. Прозападное, очень влиятельное и авторитетное художественное сообщество не спешит брать во внимание как эти «Основы» так и политические реалии, возвращение Крыма в состав России, например.

Самое популярное современное искусство на Западе – постсоветский соц-арт. Созданные в ряде российских городов после перестройки центры современного искусства, продолжают бороться с «тоталитарным прошлым». Московский ГЦСИ почти совсем растерял зрителей, а провинциальные филиалы – несмотря на базу и госфинансирование – почти не работают с повесткой актуального патриотического искусства. Тем более, не работают с ней в российских городах различные частные галереи современного искусства, для которых «быть современным» – это быть «contemporary». У традиционалистов такой сети нет – при всем консерватизме 85% населения страны. Регионы спят, а либералы действуют. Вопрос – что государство может переформатировать, а что патриотическое художественное сообщество может само предпринять в качестве альтернативы?

При всей активности либералов, ни о какой культурной экспансии русского искусства не может быть и речи. Современных художников, известных за рубежом, можно пересчитать по пальцам: Кабаков, Шемякин, Булатов... В свою очередь иностранные рубрикаторы спешат внести русских художников в свои национальные списки: француз Шагал, немец Кандинский, американец Фешин... Школа Станиславского давно – мировое достояние, а не русский

феномен. И так далее. Вялая работа русских культурных центров за рубежом несопоставима с активностью зарубежных культурных центров в России.

Как итог:

- Ни одного современного русского писателя с мировым именем
- Ни одного молодого русского художника с мировым именем
- Ни одного кинорежиссера молодого или среднего поколения с мировым именем, кроме назначенного европейским фестивальным сообществом Звягинцева, аудитория которого в России минимальна, как бы его ни раскручивали либеральные медиа.
- Ни одного музыкального проекта, известного в мире. Последний – группа «Тату», которая очевидно отработывала ценности, далекие от «традиционных».
- Ни одного дизайнера, ни одного архитектора...

Список можно продолжать, а можно просто констатировать: сегодня на Западе конвертируется только российская исполнительская школа (дирижеры Георгиев, Курентзис, Петренко, пианисты Кисин, Березовский, оперные солисты Нетребко, Бородина и т.д.), то есть та школа, которая не отвечает за новые смыслы и образы. Большую часть российского художественного сообщества такая ситуация, увы, устраивает.

В это же время, западная, а вовсе не отечественная дизайн-индустрия, продуктивно использует сегодня наследие русского модерна и конструктивизма, которые в свое время напрямую апеллировали к традиционным формам, орнаментам, материалам. Большинство русских дизайнеров в традицию до сих пор не верят. Кириллицу дизайнеры не любят, новых кириллических шрифтов преступно мало. И вот уже Казахстан с Татарстаном переходят на латиницу. Националистическая Украина быстро присваивает русскую вышиванку. Нынешние молодежные субкультуры идентифицируют себя исключительно на латинице. Теряют объективность и авторитет государственные конкурсы, премии, награды. Многие настоящие художники – мастера, почитатели традиции – уходят в андеграунд.

Как уже было отмечено, либеральное сообщество очень сплочено, а силы традиционалистов разобщены, лишены институциональной и материальной поддержки. Русский
Художественный Союз – лишь проявление запроса на традицию, попытка объединить художников на принципах и ценностях патриотизма, семьи, православия, русского мира, сотрудничества с государством и церковью, открытости и рефлексии, современного языка и междисциплинарных проектов.

Необходимы широкие и активные действия, способствующие рождению нового, ни много ни мало, художественного сообщества в России. Это сообщество не будет связано ни с бюрократизированным сообществом «народных артистов»-авторитетов советского призыва, ни с прозападной либеральной художественной элитой.

Необходима неформальная, глубокая инвентаризация культурного богатства России, создание базы исторических и современных предметов гордости отечественной культуры. Необходимо способствовать введению этой базы в научный и образовательный обиход.

Необходимо вернуть культурный обиход истинное наследие Запада, перестать бездумно копировать инновационные технологии – урбанистические, цифровые и т.д., а освободивших

от навязчивой либеральной идеологии, начать использовать как ресурс духовного возрастания национальной культуры.

Необходима ревизия всей системы государственных и частных конкурсов, премий, наград и создание актуальной адекватной инфраструктуры признания.

Необходимо расширять базу художественных проектов (как творческих, так и общественных), оппозиционных либеральному искусству с его постоянной фрондой по отношению к выдуманному «Кремлю». С помощью государства нужно расширять институциональную инфраструктуру для традиционалистского искусства, способствовать формированию *нового мейнстрима*.

Необходимы программы поддержки и развития креативных индустрий, народных ремесел, кириллических практик, национального дизайна, национальной моды и др.

Необходимо добиваться конвертируемости отечественного искусства, укрепления позиций русского мира за рубежом, осуществления российской культурной экспансии.

Необходимо создать национальную школу арт-менеджмента и продюсирования.

ОБРАЗОВАНИЕ

Один из парадоксов сегодняшнего дня – однобокость художественного образования и современной арт-критики. Классика настолько вышла из моды, что художник разучился рисовать. Многие кураторы и критики, утонувшие в «актуальном дискурсе» и «гражданском протесте», превращаются в манипуляторов, обслуживающих откровенную халтуру. Складывается впечатление, что современное искусствознание зашло в тупик, интеллектуальное арт-сообщество потеряло здравый смысл. В итоге интуиция и наблюдательность простого обывателя часто перевешивают мнение высокопоставленного «эксперта». А ведь Россия сегодня - единственная наследница европейской академической школы, если говорить об изобразительном искусстве. Выставки и оцифровка музейных фондов показывают: львиная доля уникального культурного наследия России до сих пор не введена ни в научный, ни в публичный оборот. Бреши в искусствознании и популяризации наследия на руку любителям сетовать о культурной отсталости и потере идентичности.

Детское художественное образование все больше напоминает сегодня арт-терапию для людей с особыми возможностями развития. Частный случай педагогики становится навязчивым трендом. Культы аутиста, ребенка-индиго, инвалида – не что иное как проявление «отрицательной селекции». Современная городская мода также свидетельствует: мы скоро будем скучать даже по Барби: ее место на подиуме заняло нечто инфантильное, бесполое и одинокое со спущенными рукавами и оголенными лодыжками. Стиль «потерянной души» уже оккупировал клубы, школы и тихо сопровождает громкие суды над пропагандистами детского суицида.

Все это предельно актуализирует необходимость изучения Традиции, традиционного, введение этой темы в образовательные практики. Термины «многоукладность», «цветущая сложность», «междисциплинарность» принадлежат разным эпохам, но на самом деле имеют очень близкую семантику.

Создание национальной школы арт-менеджмента и продюсирования, решит не только проблему смены поколений в художественном профессиональном сообществе, но и создаст методологическую базу для образовательных практик, создаст возможности новой, здоровой экспертизы.

Необходима комплексная программа поддержки и развития классического художественного образования.

Необходима программа поддержки и развития художественного ремесленничества, школ мастеров декоративно-прикладного искусства

СЕМЬЯ И ДЕТИ

Семья в ее традиционном понимании – это клетка общественного организма, гарант его жизнеспособности. Семья – носитель коллективного содружества и созидания, взаимодополнительности, духовной гармонии разных личностей. Образ семьи в традиционной культуре тесно связан с образом страны («Родина-мать, Мать-земля»).

Разрыв семейных уз тесно связан с эгоцентризмом, космополитизмом, одиночеством, социальной беспомощностью и агрессией.

Личные, семейные отношения – постоянный сюжет для художественных произведений и постоянный объект воздействия искусства. К сожалению, в разрушении, десакрализации семейных ценностей, искусству как сфере особой свободы, принадлежит немалая роль. Сегодня распад семьи начинает оформляться в «прогрессивную модель» общества с массовыми абортами, однополыми браками, перекладыванием на государство заботы о стариках, разгулом ювенальной юстиции. Ситуация грозит тем, что впервые в истории вырастет поколение «благополучных сирот» с поврежденной психикой и искаженной картиной мира. Миссия современного русского искусства – не допустить распространения опыта выращивания «чужих», не злоупотреблять образом «другого», полюбить и воспеть семью как благо, божественную природу человека.

Наше счастье, что совсем недавно «что такое хорошо, и что такое плохо» знал каждый малыш. Моральный кодекс советского человека в части семейных ценностей во многом совпадал с заповедями Христа – почитание родителей, супружеская верность были в советское время безусловными добродетелями. Крепость семьи была напрямую связана с расцветом детского кинематографа, литературы, поэзии в советскую эпоху. И наоборот: патриотизм советских граждан, особенно тех, кто не знал войны, был вдохновлен великими произведениями искусства.

Необходимось в Добром и Умном Искусстве сегодня велика, как никогда.

Русский Художественный Союз со всей готовностью и ответственностью подходит к решению этой задачи. Нашей стране необходима и детская кинематография, и новая детская книга, и внутригородские проекты, помогающие детям почувствовать себя будущим народом России.

ЭКОНОМИКА

Государственная культурная политика требует системного взгляда на финансирование культуры, расстановки приоритетов. Без этого документ о культуре как приоритетной отрасли, будет иметь характер декларации. Культурная отрасль в России исторически финансировалась как государством, так и меценатами. Государство чаще всего отвечало за Традицию, меценаты – за эксперимент. Хотя были и другие периоды.

Государству необходимо выработать ясные направления в области культурного госзаказа и чёткие критерии отбора культурных и художественных проектов. Без идеологического аспекта в том или ином виде здесь не обойтись, а значит, не обойтись без борьбы с идеологией потребительства.

Необходимо преодолеть разрыв между документами высокого уровня (например, государственная культурная политика) и их реализацией в конкретных прикладных программах. Должны быть определены целевые аудитории прикладных программ: дети и юношество, жители мегаполисов и средний класс, малые города и моногорода, религиозная и светская публика и т.п.

Госзаказ может и должен осуществляться на реальной конкурсной основе. Особое внимание должно быть уделено гарантированным каналам распространения печатной, художественной кино и видеопродукции.

Меценат - одна из ключевых фигур русской культуры, на протяжении истории поднимавших Россию. Мамонтов, Бахрушин, Третьяковы, Рябушинские, Морозовы – эти имена у всех на слуху с XIX века. Но история русской благотворительности глубже и шире. Она восходит к первым сибирским промышленникам Строгановым – основателям собственной школы иконописи и лицевого шитья. Уникальность русской благотворительности - в прогрессивном следовании традиции. Жизнь русского купца полна противоречий. Но даже церковный раскол не смог уничтожить православного благотворительного канона, более того, многие меценаты были староверами, то есть, более строгими блюстителями традиции, чем власти. Они работали рука об руку с государями, князьями, церковью - все вместе создавали шедевры, воспитывали сирот, благоустраивали страну.

В период государственной разрухи начала 1990-х новые меценаты помогли сохранить коллекции произведений русского и советского искусства, поддержали театр, восстановили сотни памятников культуры, в том числе монастырей и храмов. Отрадная тенденция последнего времени – появление патриотично настроенных, далеких от либеральных ценностей, меценатов. Яркое тому подтверждение – Музей русской иконы Михаила Абрамова и Институт реалистического искусства Алексея Ананьева, Музей Фаберже Виктора Вексельберга, Музей «Собрание» Давида Якобашвили, Музей Ар деко Мкртича Окрояна, Музей русского импрессионизма Бориса Минца и др. Сегодня уже можно говорить о целом явлении – частный музей, частный коллекционер.

Эта здоровая тенденция начала сегодня вытеснять НКО западного толка – культурные фонды и институции, получавшие из-за рубежа не только средства, но и технологии современного искусства и его экспертизы, системы мотивации и бюджетирования. Благодаря подобным НКО значительные творческие силы страны были выключены из созидания национальной

культуры и невольно превратились в агентов ее разрушения. Единственным способом хоть как-то соприкоснуться с родиной стал скандал, провоцирующий медийный шум, а не зрительский успех.

Русские меценаты испытывают острый недостаток качественной и авторитетной экспертизы. Современному благотворителю не меньше, чем чиновнику, необходима правильная ориентация в культурном пространстве, системный ввод в русскую традицию, объективная информация о культурных «брешах». Уже есть примеры того рода взаимодействия. Работа Фонда Потанина, особенно проект «Первая публикация» (сегодня, к сожалению, прекращенный) - прекрасная модель такого взаимодействия меценатов и музейного сообщества. Эта модель помогла ввести в активный оборот целые пласты наследия, сформировать их символическую капитализацию, сфокусировать внимание публики, обеспечить символическую ликвидность для среды коллекционеров и собирателей.

Однако в целом рожденный «перестройкой» отечественный бизнес все еще нуждается в продвижении своей меценатской миссии, в разъяснении перспективности, репутационной и общественной значимости поддержки культуры и искусства. Кроме того, действия меценатов, государства и церкви не увязаны между собой, нет синергии. Надо создавать среду для частно- государственного партнерства, только оно преодолеет проблемы отдельных групп.

МЕДИА

Мы живем в информационную эпоху, где media is the message. Не только в политике, но и в искусстве очень важно – кто распоряжается медиа. Несмотря на ключевую роль государства в финансировании главных медиаканалов, комплексной медиаконцепции не создано. Если политическую повестку в медиaprостранстве государство контролирует, то культурной уделяется внимание по остаточному принципу. Львиная доля культурного контента в СМИ находится под контролем либеральных элит и работает согласно потребительским ценностям и установкам.

Как защитить людей от манипуляций? Как обеспечить устойчивость ресурсов, достоверность информации, приоритет российских духовно-нравственных ценностей и гуманистических норм поведения в той информационной среде, в которую мы ежедневно погружаемся?

Ключевым информационным поводом и одновременно рекламным инструментом сегодня является скандал. Разрушительный потенциал медиасферы сравним с разрушительным военным потенциалом – достаточно вспомнить газеты периода русской революции. И наоборот: созидательный потенциал может превзойти многие ожидания. Ведь медиа – это ещё и геополитический инструмент ежеминутного продвижения бренда России.

Сегодня у патриотического искусства практически нет медиаресурсов. Путеводители, досуговые издания, рубрикаторы-афиши имеют ярко выраженные либеральные предпочтения. Необходима не только и не столько новая система финансирования экспертных площадок в медиа, сколько новый подход к контенту, дизайну, редактуре, переводам. И, конечно, к кадровому вопросу. Нужны новые образовательные программы. Патриотическому искусству нужны яркие критики, эксперты, редакторы – лидеры мнений, а не сервильные и бесстрастные медиаменеджеры.

Статус профессии журналиста сегодня в принципе нуждается в реабилитации. Репутация журналистики как профессионального сообщества, к сожалению, оставляет желать лучшего, ассоциируясь у обывателя в основном со «скандалами, интригами, расследованиями». Критерии качества размыты, планка требований снижена, а самоцензура как оздоровительный инструмент практически отсутствует. Между тем, звание «русский журналист» должно стать символом правдолюбия, честности, неподкупности, подлинной независимости в интересах общества, родной страны, своего народа.

Сочетание гражданского долга с высоким уровнем профессионализма и передовыми медиатехнологиями – формула успеха русской журналистики в новом веке.

Свобода слова – краеугольный камень журналистики; однако в нашем понимании эта свобода не равнозначна разнузданности и не мыслима без ответственности. Ответственный журналист не делает из свободы слова культ, лишаящий его всяких нравственных тормозов, но заботится в первую очередь о том, чтобы результат его труда обернулся благом для общества. Русский художественный союз ориентирован на консолидацию именно таких современных мастеров слова, образа и цифры – журналистов, чей ежедневный труд нацелен на улучшение нашей жизни.

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО, МОДА

Мода — зеркало культуры, безошибочно отражающее текущие процессы в современном обществе. Если сузить понятие моды только до одежды, можно сказать, что мода представляет собой символ индивидуального существования человека, а также определенной группы людей, нации и эпохи. Современная мода маркирует глобальные процессы стирания гендерных и национальных границ, размывания традиционных ценностей.

Безобразность, безобразность и истерическое потребление — вот приметы времени. Достаточно посчитать, сколько женщин на русских улицах одеты в джинсы, а сколько в платьях. В платьях — очевидное меньшинство. Сегодняшняя Россия не ассоциируется с источником модных тенденций, напротив, мы находимся в унижительном положении копирования трендов, которые создают «модные столицы» для всех сфер жизни. От формата телепередач до формы стаканчика для кофе, от образа жизни до костюма, подходящего для него.

А между тем, русская культура и традиция костюма в частности, самобытна и богата значениями: сакральная символика цвета, кроя, орнамента — источник бесконечных интерпретаций и проектирования будущего. Можно найти множество примеров успешного переосмысления традиционной грузинской, индийской, японской, мусульманской одежды. С нашим национальным костюмом до сих пор не случилось ничего подобного, несмотря на периодическое обращение отечественных и западных дизайнеров к русской теме.

Русский орнамент — стратегический ресурс. Простой пример: совсем недавно рубашка-вышиванка была поднята на стяг новой украинской идентичности. Но стоит полистать сборник великорусских и малороссийских узоров вышивания, изданный в Санкт-Петербурге в 1877 году, и станет ясно: вышиванка — наследие, прежде всего, русской культуры. Получается, что если аполитизировать ношение вышиванок и популяризировать их в России, у русофобии будет меньше шансов. Во многих республиках СНГ орнамент — национальное достояние и любимый дизайн. Сделать русскую традицию модной — вот задача сегодняшнего дня.

Текстиль — элемент национальной безопасности. Не так давно в России работали льняные, хлопковые, камвольные, шелковые комбинаты, золотошвейные, кружевные фабрики. А сейчас каждый год закрывается то или иное текстильное производство. Можно сетовать на рынок, на ВТО, на технологическую отсталость, но отсутствие легкой промышленности — показатель недостатка национального суверенитета. Согласитесь, «ходить в своем» и «ходить в чужом» — два разных состояния, два разных взгляда на мир и себя самого. Английская шерсть и лионский шелк, кашмирская шерсть и китайский шелк, среднеазиатский или американский хлопок — это ведь исторические бренды. За ними не просто производство, но и система символов, разработанные дизайн-коды, а значит и образ жизни, система ценностей.

А еще это многомиллионный оборот. Когда-то Махатма Ганди начал бороться за независимость Индии с того, что призвал отказаться от использования английского текстиля и наладил внутреннее производство ткани. Но не является ли глобализм продолжением колониальной политики?

Ведь на большинстве наших соотечественников сегодня нет ни одной русской ниточки! Даже русские производители предпочитают скрываться за латинскими названиями.

Это не экономика, а внушенный глобалистской модой комплекс неполноценности, неспособности к высокому стилю.

Высокий стиль — это и корпоративная культура. Школьная форма, униформа для государственных компаний и международных выставок, представляющих Россию, для турфирм (Золотое кольцо, Байкал и т.д.). Этим должны заниматься профессиональные художники. Сегодняшняя задача — помочь созданию актуального художественного контента для русской материальной культуры, восстановлению связи художника с отечественным производителем, поддержать возрождение народных промыслов.

Традиция, если подходить к ней с умом, — это сотни тысяч рабочих мест! Традиция не станет модной, если за дело не возьмется молодежь. Необходимо проводить конкурсы, работать с профильными вузами, организовывать дискуссии, исследования, круглые столы, проводить мероприятия, которые станут альтернативой многочисленным неделям моды — формату, исчерпавшему себя во всех смыслах. Нужна национальная программа поддержки и развития ремесел. Эту программу должно разработать не отдельное ведомство, а мощная команда экспертов из разных областей.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Культурное наследие — краеугольный камень самосознания нации. Историческая память, сбережение традиций и материальных артефактов - условие сохранения национального единства и собственной идентичности.

К историко-культурному наследию принято относить, прежде всего, материальные объекты — движимые и недвижимые. Если говорить о произведениях искусства и значимых исторических предметах и документах, то положение крупных национальных музеев, архивов, театров и библиотек в больших городах относительно благополучно. В провинции же они часто выживают только благодаря личному энтузиазму сотрудников, подвергаясь опасности захвата и уничтожения со стороны недобросовестных местных чиновников и коммерсантов.

А между тем отношение к наследию предков формируется прежде всего на малой родине. Планомерный снос исторических зданий в советские годы сформировал пренебрежительное отношение к старым постройкам. И если сегодня сноса храма, все же, выглядит кощунством, то решение о ликвидации старого городского особняка ради строительства современного торгового центра принимается с легкостью и обычно не вызывает возражений общественности — за исключением разве что групп активистов — защитников городской старины.

Принято считать, что реставрация — дело дорогое, но это не совсем так: Европа давно освоила метод более аутентичной и дешевой консервации, а кроме того, накопила разнообразный опыт приспособления старых объектов к новому использованию. Новая жизнь архитектурного памятника — залог здоровья «гения места».

В сложной ситуации оказались старинные храмы: являясь охраняемыми памятниками, они находятся либо передаются на баланс Церкви, и зачастую качество реставрации определяется настоятелями, часто далекими от тонкостей реставрационной практики. Это может порождать новые очаги ненужных конфликтов между Церковью и культурным сообществом — тогда как такое напряжение надо заранее предотвращать через сотрудничество Церкви и культуры в деле сохранения национальных святынь.

Профессия реставратора — отдельная проблема. Уходит советская реставрационная школа, которая совсем недавно не уступала европейской. Сама отрасль устроена сегодня так, что квалифицированные мастера оказываются не у дел. Кроме того, в России в принципе не существует подготовки управленцев в сфере наследия, а без этого грамотное сохранение памятника невозможно. Вопрос профессионального образования и сертификации стоит очень остро.

Русский Художественный Союз намерен осуществлять проекты, связанные с культурным наследием, как самостоятельно, так и во взаимодействии с ключевыми участниками отрасли — Министерством культуры РФ, Русской Православной Церковью, международными структурами (ЮНЕСКО), общественными объединениями (ВООПИК, «Архнадзор»), благотворительными фондами, организациями реставраторов, архитекторов, музееведов, краеведов, волонтеров, частными собственниками исторической недвижимости, строительным и туристическим бизнесом.

Важный аспект нашей деятельности — привлечение СМИ и социальных сетей для популяризации русского культурного наследия, особенно в молодежной среде. Культурное наследие должно войти в моду! В Италии, Франции, Великобритании и других странах Европы памятники архитектуры давно стали частью современной жизни. Это не только символический капитал, но и экономически осмысленный актив.

Мы уверены, что наиболее эффективным способом приобщения людей к делу сохранения в России станут творческие решения, представляющие объекты наследия в неожиданном, современном ракурсе, с привлекательными вариантами их использования, формирующие личное эмоциональное отношение к ним. Такой подход возможен благодаря междисциплинарному, мультиформатному характеру Русского Художественного Союза, объединяющему творцов-единомышленников в самых разных видах искусства.

ИСКУССТВОЗНАНИЕ

Искусствоведение для нас — не академическая дисциплина. Оно сочетает скрупулезное изучение разнообразных культурных сфер — от философии до психоанализа, от иконописи до граффити — с творческим синтезом, интуицией. По сути, это культурология, взятая в эстетическом ключе. Искусствоведение принадлежит народу. Народ должен любить и понимать искусство. Вот наше понимание текущей повестки.

1. Искусство, назначив своей целью «поиск границ возможного», выпив до дна все старые жанры, расправившись с фигуративностью, обесценив ремесло, изгнав «функцию» и провозгласив «художник никому ничего не должен», пришло к самоиспарению, самоустранению, превратилось в слова о себе, произносимые журналистами и искусствоведами. А ведь люди не перестали быть, жить, любить... Люди не стали другими. Прогресс технологий не изменил человека, которого до сих пор можно описать при помощи двух-трех великих книг. Человек хочет освоить и даже присвоить этот не им придуманный мир. Хочет оставить свой след. Хочет, чтобы о нём помнили.

2. Что-то изменилось в самом воздухе. Как морок испаряется постмодернистское межвременье, уступая место какому-то новому позитивизму, нео-нео-позитивизму. Наступают времена нового героизма, нового пафоса.

3. Мир окутан избыточной, разветвленной сетью логистики для символических продуктов, которую пока нечем заполнить. Пока сам факт логистической избыточности является элементом управления незрелыми символическими экономиками.

4. Разрушение Большого Красного проекта, развал Советской империи усугубили нашу суверенность, заставив ходить по замкнутому кругу многовековой интеллигентской повестки: «как научиться с гордым выражением лица мелко и крупно пакостить Власти, одновременно кормясь с ее руки».

5. Можно медленно усыхать, истончаться, сидя на дымящихся руинах, заполняя праздное умирание ленивой описью этих руин, а можно увидеть в сегодняшнем странном времени неисчерпаемые возможности, великий новый шанс для строительства чего-то большого, огромного. Время нового Шанса.

6. Перед нами раскинулась великая не рассказанная и не показанная страна. Огромность предстоящей работы поражает, но и вдохновляет. Эта работа должна основываться не только на порыве, но и должна иметь прочные институциональные основания. Эта работа должна управляться не только страстью, но и новой прагматикой. Эта работа должна не только порождать акты испепеляющего и плодоносящего, яркого и бесконечно талантливого творчества, но и политики, осмысленные и увенчанные целью практики.

7. Началом этой работы должны стать политики интерпретации и признания. Произошла незаметная десуверенизация индустрии признания людей творческих профессий.

По сути отечественной индустрии признания нет. Ее нужно строить заново. И если государство все-таки остается эмитентом признания, раздавая творцам ордена и премии, то этого все равно мало. Необходимо создание разветвленной инфраструктуры, мощной суверенной индустрии признания всех отраслей творчества,

предполагающей возникновение особенного типа менеджеров, плотной вязи таких институтов, как «залы славы», «гильдии», многочисленные «рейтинги», списки «лучших всех времен» и т.п. Такого рода институциональное творчество потребует терпения, времени и особенных навыков девелопмента, терпеливого, смиренного, дисциплинированного выстраивания того, что кажется эфемерным, но обо что можно споткнуться.

8. Не менее важно и возвращение суверенно мыслящих людей в поле интерпретации искусств, оставленное без боя в постсоветские времена. Возрождение института критики — насущная необходимость. Мы разучились наговаривать символическую капитализацию нашему искусству. Сейчас это делают другие, тем самым управляя нами. Карманная, портативная, управляющая нашей актуальностью, картина мира сделана не нами и не у нас. Именно поэтому мы оказались не готовыми к «перевариванию», реконксте такого значимого, поражающего своей огромностью явления — советского искусства. Сегодня мы находимся на дальних подступах к этой важной и насущной работы.

9. Мы должны разрушить сложившуюся либеральную монополию на «актуальность» искусства. Мы должны сконструировать, собрать новую актуальность, отвоевав ее у contemporary art.

10. Мы должны спроектировать и последовательно воплощать в жизнь кириллические политики, созидая кириллический мир, отстаивая его, как важный элемент нашей идентичности.

11. Мы должны быть готовы к символическим войнам за имперское наследие (в том числе и советское), которое пока отрицается новообразованными постсоветскими государствами, но уже очень скоро будет присваиваться ими, т.к. содержит великие свершения и проявления человеческого духа, что необходимо для выстраивания полноценной идентичности.

12. Мы должны внести свою лепту в созидание суверенной популярной культуры, конвертируемой и экспортноориентированной.

13. Нам необходима реконкста своего наследия, из которого нами актуализирована лишь 1/10 часть. Мы должны быть готовы к включению в активный оборот тех несметных сокровищ, которые в цифровую эпоху представляют широкой публике отечественные музеи. Всего масштаба процесса демократизации национального наследия, хранящегося в наших музеях, архивах, библиотеках, мы даже не осознаем.

14. «Суверенизация» не синонимична «изоляции». Мы не призываем создать эдакую культурную версию чучэ. Напротив, суверенность, обращение к самым широким слоям публики, напряженная интеллектуальная работа — все это слагаемые конвертируемости отечественной культуры.

ДИЗАЙН

Дизайн в сознании современного человека — это креативные технологии, помноженные на бизнес-бриф. За 25 лет постсоветский дизайнер, особенно столичный, успел набраться западного опыта работы с формой, знаком, объемом, ландшафтом и стать чем-то вроде полубога для варваров. Так было до тех пор, пока дизайнер служил продуктовому, производственному и даже корпоративному бизнесу.

И вдруг предметом маркетинга, брендинга и дизайна стала территория, регионы, большие и малые города, исторические места и природные заповедники. Дизайн стал мега-темой. Стало понятно, что дизайн транслирует не только удобную форму, но и создает среду, в которой реализуется смысл.

Это историческое свойство русского дизайна — символическая выразительность. «Неудобная» для кого-то русская кириллица — высокоточный язык для передачи Слова Божия. Орнамент и каллиграфия — мощный инструмент гармонического воспитания. Развернуть дизайнера лицом к Родине — вот стратегическая задача РХС.

Особую роль в этом может играть сотрудничество с Русской Православной Церковью, которой мы обязаны не только возможностью приобщения к Таинствам, но и интеллектуальным, культурным, эстетическим развитием. Церковь была не только носителем традиции, в разные эпохи она задавала тон, формировала высокий стиль, приглашая для работы лучших современных архитекторов (Федор Конь, Дмитрий Ухтомский, Осип Бове, Матвей Казаков, Константин Тон), иконописцев (Андрей Рублев, Феофан Грек, Симон Ушаков, Даниил Черный, Дионисий, Гурий Никитин), композиторов (Чайковский, Рахманинов, Гречанинов, Бортнянский, Чесноков), художников (Васнецов, Нестеров). Многие большие имена в искусстве стали известны благодаря работе в Церкви.

После 1917 года Церковь, в силу жестоких исторических обстоятельств, была вынуждена заботиться лишь об одном — о сохранении богослужения. За прошедшие же четверть века церковного возрождения она ещё не успела накопить достаточный эстетический капитал. То печальное состояние «субкультуры», в котором пребывает сегодня церковная визуальность,

— следствие этих процессов, и дизайн-сообщество обязано это понимать. Нам приходится диагностировать низкое качество современной визуальной православной культуры — частое безвкушие новой архитектуры, интерьеров приходских домов и церковных лавок, безграмотность полиграфии, скуку православных телепередач, где образ православия — это либо стоящая среди берез девица с накладной косой, либо идущие босиком по грязи нищие мужики с огромными деревянными крестами в руках. Нам приходится констатировать, что слово «Софрино» стало в профессиональной дизайнерской и художественной среде нарицательным, обозначающим отсутствие вкуса.

Надо понимать, что это уныние не имеет ничего общего с живоносным, ярким и праздничным духом Богооткровенной религии. Разрыв между формой и содержанием — серьезный и ответственный вызов нам, художникам. Без подлинного, высокого стиля невозможно воспитать эстетический вкус у православных прихожан, особенно у детей, не удастся привлечь в храм интеллектуальную, современно мыслящую молодежь.

Замечательно, что многие художники начинают это понимать. Это косвенно свидетельствует о наличии в Церкви жидительной силы Божией, а в России — гения места.

Что касается общих вопросов российского дизайна, то РХС предложит в ближайшее время ряд инициатив, которые касаются анализа и критического осмысления текущей ситуации, мониторинга, работы в регионах, работы с государственным сектором, издательских и образовательных программ.

Отдельного осмысления требует ситуация на рекламно-дизайнерском рынке. Здесь, прежде всего, нужно сказать о засилии транснациональных сетевых агентств. Об этом мало говорится, но наш рынок по сути монополизирован иностранными компаниями. Местным игрокам выделена лишь небольшая доля. Необходима программа суверенизации рекламного и дизайн рынка нашей страны. Отечественные креативные компании доказали свою творческую состоятельность, регулярно получая на престижных мировых фестивалях главные призы, однако строить успешные бизнес-истории, за редким исключением, им не удается. Окно возможностей для отечественных компаний стремительно сужается. Большие, с государственным участием, российские компании, как правило выбирают в качестве поставщиков креативных и медийных услуг сетевые агентства, часто необоснованно выставляя непреодолимые для отечественных агентств препоны в конкурсных и тендерных заданиях.

Если в продовольственной отрасли мы имеем позитивные примеры «импортозамещения», то в рекламе это только предстоит.

Невнимание к данной проблеме опасно не только для конкретной индустрии. Это опасность для всей нашей культуры. И власти, и художники, и предприниматели часто не понимают значения креативной индустрии, которая сегодня по сути является даже не массовым, а сверх-массовым искусством. Именно такой вид символической продукции как реклама вольно или невольно потребляется по сути 100% наших сограждан. Необходимо также учитывать и то, что креативная индустрия находится в ситуации стремительного перехода в рубрикатор Большой культуры, превращения из «нежеланной» коммуникации в настоящий контент, который будет потребляться аудиторией по собственной воле, который будет снабжен эффективной логистикой распространения контента. Нам необходимо активное участие в дискуссиях на тему будущего рекламы и дизайна, их превращения в «нативную», контентную рекламу, которая пока многими ошибочно понимается как банальная «заказуха», «джинса». Необходимо обеспечить контентными матрицами индустрию брендинга, которая подходит к пониманию того, что рекламно-коммуникационная платформа просто обязана содержать в себе не только элементы и маркеры «всеобщности», но и страновой базис, символический капитал.

И наконец, необходимо создание премьерного медиа о дизайне. Это странно, но его не существует. Не существует системы признания в нашей индустрии. Рейтинг российских компаний зависит от участия в западных фестивалях. Даже премьеры работ происходят на таких фестивалях, из-за чего большая часть отечественных агентств как бы не существует в символическом поле.

Сто лет назад в России появилось целое поколение дизайнеров, которые доказали право этого вида деятельности считаться не второстепенным ремеслом, а полноценным искусством.

Сегодня мы живем в мире, когда дизайн снова становится как никогда актуальным, на языке дизайна говорят новые поколения. Россия не должна остаться в стороне от этого процесса.

КИНО

«Кино — это сон наяву». Национальное кино — это проекция национального коллективного бессознательного. Если мы смотрим чужой кинематограф — мы смотрим чужие сны, и наша коллективная психика не обрабатывает нашу историческую реальность.

На протяжении 25 лет российское кино не попадает в ожидания зрителей, западное — попадает. Частному прокату невыгоден хороший российский кинематограф, так как прокатные компании являются представителями Голливуда и борются за российский рынок. Если частный прокат — гарант возвратности государственных средств, то, стало быть, это рычаг влияния. Таким образом поддерживаются, воспитываются и рекламируются авторы, которые снимают кино, не близкое российскому зрителю. Только последние три-четыре года появились обнадеживающие тенденции, но говорить об изменении ситуации на позитивную еще рано.

Сегодня кино — товар, и оно живет по законам бизнеса. Целевая аудитория оценивается путем воздействия на самые простые зрительские инстинкты. «Молодежная аудитория» — это секс, быстрое мелькание, смех, жажда развлечений и денег, страхи насилия, желание стать «звездой». «Кино-прибыль-кино» — быстрый конвейер. Выпускаются фильмы, откровенно обесценивающие и зрителя, и страну. За наши же деньги нам рассказывают, какое мы ничтожество — туповатые алкоголики, пошлые обыватели, злобные люмпены, бессмысленные менеджеры и их подружки, живущие в стране с фальшивой и агрессивной историей. Патриотизм превращается в фарс. И лишь небольшая часть прозападной городской интеллигенции, «элиты», достойна звания «культурного человека». Стоит ли удивляться, что авторы нацелены либо на продюсерский, либо на «артхаусный», фестивальский успех?

Если заменить «целевую аудиторию» на «народ», то перед нашим сознанием появится коллективная личность, живущая в стране с вековой историей, обладающая определенным характером. И эта личность требует разрушить порочную систему и соединить, наконец, хорошего автора с достойным зрителем.

Огромные деньги тратятся на то, чтобы произведение выглядело правдоподобно. Часто выдумка и ложь выглядят правдивее правды. Ложь всегда имела целью сокрытие греха. Но сейчас ложь вышла на новый уровень и занимается тем, что убеждает нас в том, что грех — это норма. Люди, особенно молодые, не в силах справиться с этим водоворотом лжи. Человек высмеивает все, чтобы не быть обманутым. Результат — всеобщее недоверие и одиночество.

Цель настоящего кинематографа — помочь человеку научиться видеть другого человека. Показать настоящих «правильных» правдивых людей и доказать, что мы можем доверять друг другу. Людей, живущих по правде, очень много — в своей профессии, в своем городе и деревне, в своей семье, но мы их почти не видим: их не снимают, а они сами не лезут в телевизор — им это ненужно.

Цель настоящего кинематографа — транслировать понятие о норме, о традиции, о правде, об интуитивно правильном поведении, о радости праведной жизни, о том, что такая жизнь — требует мужества и силы, а во все не является безвольной и пассивной.

Цель настоящего кинематографа — создавать кино, интересное широкому зрителю, но не обслуживать «отрицательную селекцию». Мы не можем не учитывать реалии современного искусства и психологию людей, привыкших к динамичному сюжету. И в этом

нет никакого противоречия: жизнь святых, подвижников и героев была наполнена внешними и внутренними событиями, она не была сонной, наоборот – крайне насыщенной и драматичной.

Что мы можем предложить?

Создавать параллельную систему кинематографа, опираясь на поддержку государства, краудфандинг, инвесторов, которые готовы рассматривать кино не как товар, а как государственную культурную миссию.

Присмотреться к системе рибейтов в кино - возврата кинокомпаниям части их затрат на производство фильмов из бюджетов регионов.

Создавать прецеденты успешного проката вне сложившейся системы.

Исследовать отечественный кинематограф — проводить акции «Смотрим российское кино» и исследовать обратную связь.

Критиковать и бойкотировать обесценивающее кино и его производителей. Популяризировать авторов, чье внутреннее послание строится на любви к зрителю и своей стране. Тех, кто способен мыслить параметрами коллективной личности.

Не подражать! Учиться быть самим собой у отцов русского и советского кинематографа, у тех авторов, чьи фильмы вызывают высокие чувства и сейчас.

Здорово относиться к западной кинопродукции, понимая, что, несмотря на ее техническое и профессиональное качество, она не отвечает на запрос нашей национальной психики.

Остерегаться ложного, карикатурного патриотизма — вечного спутника цинизма. Взаимодействовать с региональным кинематографом: якутским, бурятским, татарским и т.д. Применять новые технологии к национальному материалу, например, к сказкам.

Повышать кинограмотность.

Развивать массовое любительское кино, понимая, что это — поле будущего.

Необходимо осознать себя. Осознав и отстояв свою идентичность — выходить на международные площадки и объединяться в человечество.

ЛИТЕРАТУРА

Современная литература переболела всеми недугами последних лет. Диктат массового рынка упрощает тексты до бульварного чтива. Отказ от классических критериев привел к самопотере автора в бесконечной игре интерпретаций. С распространением Интернета сама книга оказалась под угрозой исчезновения, изменился характер чтения, мышления. Длинные тексты о мировых проблемах сократились до реплик в социальных сетях. Слово сменилось картинкой, мемом, который считается мгновенно, поверхностно.

Вряд ли стоит соглашаться с теми, кто считает, что Россия Толстого, Достоевского, Леонова, Распутина ушла навсегда. Она лишь сменила темперамент, стала ближе к телу. «Мне кажется, что культура предлагает не только добровольный выбор. Это вот как мыть руки перед едой, говорить «здравствуйте», «спасибо», «до свидания». Возможно, детям это кажется лишним и не очень понятным. Но мне кажется, что русская классика входит в перечень необходимых жизненных действий, которые в определенном возрасте человек должен получить независимо от того, хочет он это получить или нет», — говорит Алексей Варламов.

Говоря о свободе писателя, Варламов приводит платоновское сравнение творчества с потением — «функцией организма, которая происходит сама по себе... помимо воли и сознания». Классика, подлинное творчество — это онтологическая норма писателя. Поэтому «хороший писатель» для него — оксюморон. Писатель либо есть, либо его нет.

По сравнению с архитектурой, кино или театром, литература наименее затратный вид искусства и поэтому восстанавливается быстрее. Об этом свидетельствует яркая плеяда авторов, появившаяся в последние годы. Это не просто писатели, но житнетворцы — сясной и горячей позицией — патриотической, нравственной, эстетической. Сама жизнь заставляет сделать выбор, и литература тут же отзывается. Лейтмотив их произведений: «как я выбрался из тьмы», «как я преодолел безверие». «Спасешься сам — тысячи вокруг тебя спасутся» — эти слова Серафима Саровского — они о сегодняшней литературе.

Появляются независимые литературные премии, цель которых — стимулировать создание жизнеутверждающих, добрых произведений о простых людях. Документальность перестает быть источником негатива и прорастает новыми биографическими исследованиями. Нравственный интерес к литературе зримо улучшает качество киноэкранизаций. А люди, будто пробудившись от тяжелого сна, с удовольствием цитируют забытого школьного Пушкина.

Миссия Русского Художественного Союза — поддержать этот стихийный, живой процесс на междисциплинарном уровне. Это могут быть театрализованные поэтические спектакли, возрождение литературных оазисов прошлого, новый дизайн классических сборников, всевозможные акции на городских праздниках и экспериментальные образовательные программы, прививающие детям интерес к чтению и многое другое.

МУЗЫКА

«Будь крепок сердцем, чтоб не билось в страхе», — вот что сегодня хочется крикнуть в адрес многих и многих представителей неакадемической музыки. Страх парализует творческую волю. Страх не быть услышанным, не попасть в радио-ротации, лишиться поддержки медиа, лишиться концертов и, как следствие, заработка.

То есть рынок диктует свои условия. Хочешь быть востребованным, популярным — встраивайся в существующую систему отношений «артист-медиа-зритель». Все разобщены. Каждый действует на свой страх и риск. Особенно трудно приходится начинающим, и вдвойне трудно тем, кто открыто заявляет в своем творчестве о своей любви к Родине, о своей патриотической ориентации и верности Православной традиции.

Отсюда и страх. Страх остаться в одиночестве, стать изгоем. ТВ-каналы, радио-холдинги, пресса в массе своей ориентированы на либеральную систему ценностей и, как следствие, поддерживают и пропагандируют музыкантов, двигающихся в фарватере этой системы. Существующие национальные музыкальные премии и конкурсы нерепрезентативны и ангажированы. Кучка топовых музыкальных персон на протяжении долгих лет ревностно оберегает свои позиции и жестко блокирует попадание в свою среду инакомыслящих от искусства.

Русский Художественный союз должен помогать тем музыкантам, кто сейчас брошен на произвол судьбы, кто не согласен с существующей системой либеральных ценностей в искусстве, кто понимает и свято верит в то, что музыка — это призвание, а не только бизнес, и что высшая ценность искусства — это духовность и прорыв в Вечность.

Нам нужно создать действенный институт признания — настоящую Русскую Национальную премию в области музыки, которая будет объективно отражать вклад конкретного творца в музыкальную культуру нашей страны.

Нужно организовать ежегодный Национальный музыкальный фестиваль неакадемической музыки, который будет поддерживать, в первую очередь, молодых начинающих музыкантов разных музыкальных направлений, носходных мировоззренческих позиций.

Необходимо во всех средствах массовой информации, имеющих хоть какое-то отношение к современной музыке, создавать устойчивое лобби наших союзников и соратников. Нужно всячески поддерживать родственные нам региональные фестивали и другие формы активности по всей России и за рубежом, находить соратников в нашей стране и во всех уголках мира, как среди соотечественников, так и среди сочувствующих музыкантов других стран.

Нужно, отбросив всяческую ложную скромность, добиваться государственных грантов на осуществление наших планов и проектов. Поддержка государства — важное условие успешной работы музыкального направления нашего Союза.

Что же касается академической музыки, то оказывается, чем возвышеннее жанр, тем сложнее жить. Академическая музыка — это очень ресурсоемкая область, сравнимая с теоретическими исследованиями в высокотехнологичных отраслях — астронавтике, медицине, энергетике. Но

вот парадокс: какой-либо административно-финансовой структуры, опекающей эту во всех смыслах стратегическую сферу искусства, в России нет.

Не стоит заново открывать велосипед: в мире существуют три источника поощрения композиторского творчества: издательство, фестивали и фонды — частные или государственные. Все они заказывают композитору произведение, оплачивают его, продвигают, а издательство еще и отслеживает его исполнение по всему миру и защищает авторские права композитора. Все эти институции процветают за рубежом.

Но о какой культурной политике, о какой национальной музыке может идти речь, если большинство академических композиторов, исключая безусловных звезд, финансируются из-за границы? Академические композиторы проигрывают и авторам-песенникам, и рокерам, и художникам, творчество которых окупается и находит благодарную аудиторию в клубах и галереях. В советское время работала государственная закупочная комиссия, которой можно было недорого продать партитуру без надежды ее когда-либо исполнить. Единственным клиентом академического композитора всегда был кинематограф, но и он сегодня — вассал Голливуда.

Конечно же, не дело РХС — создавать такие структуры. Но, формулируя и продвигая национальную идею в искусстве, Союз может думать об их создании и ходатайствовать в соответствующих государственных инстанциях, ибо без материальной почвы ни о какой русской музыке не может быть и речи.

ТЕАТР

Кому-то может показаться, что российский театр переживает небывалый подъём. На громкие премьеры билеты распродаются заранее, публика обсуждает новые работы известных режиссёров, репортажи о ярких спектаклях показывают в новостях на федеральных каналах. В Москву приезжают режиссёры с мировым именем, чтобы реализовать свои замыслы с русскими актёрами. Событием дня становится присутствие главы государства на спектакле в Малом театре — это обсуждается наравне с важнейшими вопросами экономики и политики.

По нашему мнению, российский театр находится в глубоком кризисе. Повторяя азы, давно пройденные театром советским и западноевропейским, большинство наших творцов перестали заниматься воспитанием зрителей. Принципиальный отказ от идеологии обернулся новым диктатом, требующим уравнивания в правах греха и святости, ничтожного и великого. Настойчиво декларируется принцип отказа от моральных оценок в духе известного тезиса «пусть расцветают все цветы». Перестав быть кафедрой, с которой провозглашают высокие идеи, театр оставил за собой миссию развлечения, а место гражданских истин заняла расхожая публицистика, позаимствованная у «Эха Москвы» и телеканала «Дождь». Роль экспертов и отборщиков отдана группе театральных критиков, чьи позиции были заявлены на страницах возрождённого в 2010-м году журнала «Театр». Те же критики вместе с дружественными режиссёрами взяли на себя управление фестивальными процессами. Это «прогрессивное» крыло российского театра. Ему противостоит поколение «народных артистов».

Как никогда крепки позиции режиссёров, возглавивших театры ещё в советские времена или в девяностые годы и ставших, по сути, кастой неприкасаемых. Их лояльность власти поддерживается щедрым финансированием. По сути дела, и один и другой лагерь придерживается либеральных взглядов, согласно которым Россия нуждается в революции и дальнейшем реформировании по западным образцам. Просто один лагерь действует более открыто. Иные позиции рассматриваются как достойные осмеяния ретроградство и консерватизм. Либеральная жандармерия зорко следит за тем, кто и на каких основаниях получает премии или гранты и, отказываясь признавать авторитет власти, не стесняясь, требует денег на реализацию своих проектов.

Что можно предложить для того, чтобы исправить сложившуюся ситуацию? Российскому театру нужна новая стратегия развития, новые горизонты:

- новая кадровая политика
- новые фестивальные проекты
- программа развития современной драматургии
- программа поддержки молодых режиссёров
- программа воспитания зрителя, поддержки театра для детей и театра, где играют дети
- программа воспитания современных продюсеров.

РХС готов сотрудничать в этих направлениях и с государством, и с крупными институциями, и яркими лидерами. Мы верим в возможность создания среды, которая позволит сделать русский театр не зоной либерального застоя, а территорией смыслов, современных по форме и консервативных по содержанию, территорией действительно современного и актуального искусства.

ВИЗУАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Констатируем, что мы, наконец, завершили «постсоветский» период распада ценностей и институтов. С его окончанием утратили доверие заимствованные идеологемы современного искусства. Постсоветский образ художника-ниспровергателя устоев и экзотического формалиста не обрел ни общественной, ни материальной ценности за пределами узкого сектантского кружка.

Еще совсем недавно было принято говорить о «смерти живописи», о ее архаичности и несоответствии прогрессу. Но сегодня понятно, что это — ресурснационального значения.

Возможно, Россия — единственная страна, сохранившая систему классического художественного образования. Однако инфраструктура, которая призвана интегрировать художника в общество, находится либо в упадке, чудом сохранившись с советских времен, либо вне реальности, как новые институты «современного искусства», которые игнорируют основные в художественной работе критерии: мастерство и преемственность.

Задача Русского Художественного Союза состоит в развитии сети связей: художников и региональных школ, ВУЗов, выставочных залов и исследовательских центров. Междисциплинарность как базовый принцип работы Союза будет способствовать созданию структур по подлинной социализации современного искусства, спасению его из того бездонного, на пессимистический взгляд, провала между признанным искусством в музеях и дизайном, в лоне которого оно находится сегодня.

В основе деятельности Союза лежит понимание, что настоящее искусство всегда «традиционно», какие бы авангардные принципы оно ни заявляло. Традиция — это живой синтез. Только укорененность в культурной почве способна создать нечто новое, вложить новый камень в здание культуры. Гораздо проще его выломать, напялив пыльную маску шута или акциониста. Но каждый художник — сотрудник в создании канона современности.

И одна из функций нового Союза — находить среди множества аранжировок подлинно новаторские вещи и содействовать продвижению созвучных современности творческих инициатив.

АРХИТЕКТУРА

Архитектура — это не просто форма устройства пространства или городских интерьеров. Это способ зафиксировать и передать те смыслы, которыми живет человек в рамках поколения, эпохи, а порой и цивилизации. Константинопольская София, египетские пирамиды, площадь Сан-Марко, заливной луг с храмом Покрова-на-Нерли, Московский Кремль или античные святилища — все это квинтэссенция смыслов, точка отсчета в системе координат вертикаль, связывающая человека с Творцом.

То, в каком архитектурном пространстве мы выросли, напрямую влияет на наше мироощущение, жизнотворчество, чувство своей роли в истории. Расцвет большинства архитектурных эпох был связан с именами заказчиков, которые вкладывали серьезные средства, чтобы в камне прославить Бога, государство и свои деяния. Высокие цели определили то, что называется высоким стилем, архитектурной традицией.

Россия прошла уникальный путь усвоения традиций различных стран и эпох. Заимствованные, они обретали в русском пространстве уникальное звучание: владими́ро-суздальский византизм, романский стиль московского Кремля, петербургский классицизм, нижегородский модерн... Даже во время революционных потрясений шел процесс мироосмысления через архитектуру.

Важную роль в этом играл заказчик. Сталинский ампи́р, воспевающий величие советского государства, возник не случайно: он был подготовлен опытом авангардистов: Мельников, Щусев, Чернихов — целая плеяда блестящих архитекторов работала по государственному заказу. История высокого стиля почти не прерывалась вплоть до хрущевской «оттепели» — момента пресловутой «борьбы с архитектурными излишествами».

С этих пор архитектура больше не формирует систему координат, она теряет героическую энергетику, связь с традицией и становится одной из утилитарных, техногенных «отраслей». Современный российский архитектор — наследник этого разрыва: сегодня утрачивается представление о глубине истории и символизме российской архитектуры, теряется навык распознавания красоты, умение отличать подлинное от мнимого. Погоня за «прогрессом» загнала русскую архитектуру в творческий тупик. Мы пытаемся быть новаторами, но опаздываем, по меньшей мере, на три десятка лет, «перемалывая» то, что уже кем-то создано. Архитектуре нужен содержательный диалог с обществом и государством. Необходим заказ того уровня, который вернул бы к жизни витрувианскую триаду «польза, прочность, красота».

Благодаря так называемым тендерам в архитектурных конкурсах побеждает не красота, а дешевизна и целесообразность. В рациональности как таковой ничего дурного нет. Модерн по сравнению с неоготикой или конструктивизм по сравнению с модерном — это тоже «экономичные решения». Но они не были в ущерб красоте.

Сегодня нам необходимо заново учиться выдерживать баланс между прагматикой и эстетикой, экономичностью и качеством, комфортом и богатством смыслов. Нам, художникам и архитекторам, как и нашим заказчикам, необходимо просвещение и, если угодно, воспитание вкуса.

Русский Художественный Союз видит одну из главных своих задач в поддержке русской архитектурной школы, в борьбе за молодежь. Русская архитектурная школа уникальна. Она включает в себя многообразие архитектурных идентичностей разных исторических периодов и регионов. Она обеспечивает преемственность традиции, создавая пространство для реализации творческого потенциала молодых художников.

Кроме того, архитектурная школа — это возможность синергии архитектуры с другими видами искусств. Прежняя роль архитектора высокого стиля включала в себя множество аспектов: проектировку, строительство, интеграцию в городскую среду и формирование этой среды. По сути, он был драматургом, который создавал сценарий здания и пространства, вписывал свое творение в контекст, продумывал эстетическую безопасность, сохраняя органичность и гармонию места. Эту роль архитектору необходимо вернуть.

Другой важнейшей задачей РХС видит преодоление разобщенности архитекторов, художников. Каждый из нас существует на своей орбите, и поодиночке мы не можем накопить ту энергию, которая необходима для настоящего творческого взлета. Цель Союза — объединить силы, создать новую «архитектуру культуры», вдохнуть энергию в сообщество художников.

РХС — это площадка для развития архитектурных музеев (особенно в регионах), площадка для генерации новых идей, исследований, интеллектуальных усилий, осмысливающих самые серьезные и глубокие категории. Например, «русское пространство».

Пространство России, его характерная широта, является главнейшим культурным и эстетическим наследием страны. Это творческий продукт не только природы, но и многовекового труда предков. Достаточно взглянуть на цветные фотографии Проскудина-Горского, чтобы убедиться какое естественное произведение искусства из себя представляли наши города и поселения. Они олицетворяли не только традицию зодчества, но и освоения ландшафта, окружающей среды и пространства. Издревле города и села строились исходя из природного контекста, дорегулярная трассировка и застройка улиц повторяла рельеф и отражала его особенности. Формироваться такой гармоничной среде помогали не только единая эстетика, строительные материалы, экономические возможности, но и духовное единство, православное мировосприятие. Монастыри как образы града небесного, малоэтажная застройка городов с доминантами церквей, сакральные маркеры дорог- надвратные храмы, поклонные кресты - все это говорит об общих национальных координатах миропонимания, а как следствие об общих принципах организации пространства. Нынешнее запустение сменяется засилием чужих образов. Это говорит о тотальной раскоординированности общества в целом и архитектурного цеха в частности. В погоне за “международным стилем” мы никогда не будем впереди, никогда не создадим уникальных архитектурных образов.

Нужны серьезные исследования. Нужен поиск русского зодчества, обращенный не только в прошлое. Одновременно с поиском смыслов, должен идти поиск образов. Мы сможем предъявить себя миру только через опору на градостроительное и архитектурное наследие России: деревянная народная архитектура, где все далеко не так просто, как кажется на первый взгляд, архитектура соборов и церквей, конструктивизм, советская архитектура и т.д.

Требуется осмысления малоэтажная застройка городов. Наше национальное сознание в большей степени, нежели исторические перипетии, является причиной размера государства.

Европа может уплотняться смыслом и качеством на тесной замкнутой площади, Россия не может. Не нужно стремиться к подражанию - небоскребы и высотное строительство - не наша стихия. Зачем это делать, когда вокруг большая страна?

Требуется осмысления ситуация со строительными материалами. Нужны жесткие, на уровне министерств, директивные решения. Это касается и применения традиционных материалов (дерево, кирпич) на уровне государственных программ малоэтажного строительства, и разработок инновационных материалов. Пока сайдинг будет доступен и разрешен, люди будут обшивать им все.

Раньше в обиходе не было недолговечных, эстетически не привлекательных материалов. Архитектура шла из окружения, из среды - дерево, камень, глина. Сейчас другая практика строительства, время конечно нельзя отмотать назад, но к истории нужно пристально присматриваться. Мир стоит на пороге разработки принципиально новых материалов. Нынешний, более тонкий, нежели традиционные дерево или кирпич, "пирог стены" (конструкция, теплоизоляция, обшивка) будет снова заменен единым материалом. Мы должны сами его создать. К строительству и архитектуре нужно подходить с точки зрения того, что мы здесь навсегда, а значит надо строить долговечные качественные дома, серьезно проработанные и эстетически, и функционально.